

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

1
2002

ЯНВАРЬ •

ФЕВРАЛЬ •

СТАТЬИ

К юбилею Г. Кайперта	3
Сазонова Л.И. (Москва). Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян	4
Толстая С.М. (Москва). Семантическая модель родства в славянском народном календаре	23
Запольская Н.Н. (Москва). Грамматика и теология: проблема библейского антропонимического пространства	27
Турилов А.А. (Москва). Кому "единоименен" Раннокисум? Глоссы как элемент первоначального замысла и оформления текста Жития деспота Стефана Константина Костенецкого	31
Вендина Т.И. (Москва). Число и счет в старославянском языке	36
Крысько В.Б. (Москва). Отъника и материци	42
Золтан А. (Будапешт). Славяно-венгерские этимологии	48

* * *

Блюмлова Д. (Ческе Будеёвице). Личность и образ Т.Г. Масарика в творчестве Виктора Дыка	53
Горяинов А.Н. (Москва). Трагическая страница биографии В.И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года	62
Смирнов Л.Н. (Москва). К юбилею сектора славянского языкознания Института славяноведения РАН	72

СООБЩЕНИЯ

Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. (Москва). С точки зрения историков науки... (О посмертном сборнике статей С.Б. Бернштейна)	79
Тошович Б. (Грац). Дисперсия глагола в имени	82

© 2002 г. Б. ТОШОВИЧ

ДИСПЕРСИЯ ГЛАГОЛА В ИМЕНИ

1.0. При превращении в имя глагол меняет исконную среду, переходит в чужую, и возникает частеречный сплав субстантоверб. Так как происходит преломление глагольности, данный процесс мы называем глагольной дисперсией (рефракцией), а сами глаголы дисперсными. Подобно преломлению в природе, при котором физические явления кажутся иными, при трансформации глагола в имя наблюдается своеобразное искривление. Основная характеристика дисперсных глаголов – превращение актуальной семантики во вневременную и торможение активности: дирестат¹ формально сохраняется (глагол декодируется), но он фактически нейтрализуется. Такой вербант (глагольный элемент) не выражает действие в данный момент (или только в данный момент), так как имя не отражает, не указывает на тот или другой отрезок времени (прошедшее, настоящее, будущее). Глагольный компонент выражает не действие как действие, а действие как характеристику, действие как ассоциацию, поэтому речь идет не о настоящей глагольности, а об ассоциативной, окаменевшей, из-за чего глаголы, которые входят в состав имен, можно назвать окаменевшими (реликтовыми).

1.1. Существует ряд случаев преломления и окаменения глаголов в именах. Так, на Адриатическом (черногорском) побережье есть скала, откуда, согласно легенде, одна девушка прыгнула в море и покончила с собой. С этого времени это место называют *Skočidjevojka* (*Прыгайдевушка*). В данном топониме глагол *skočiti* 'прыгнуть' воспринимается так, как воспринимается прыжок со скалы, запечатленный на фотографии, т.е. рефракция глагола доведена до предела, до такого уровня, когда от активной семантики остается лишь картина, напоминающая действие: *Skočidjevojka* – это 'то место, откуда девушка прыгнула в море'. Действие совершилось однажды и навсегда зафиксировано как "фото-действие". Аорист *skoči* выражает то, что совершилось в один момент, но глагольная форма является лишь формальным аористом, и поэтому лучше говорить о псевдоаористе, или застывшем аористе. И в других языках встречаются подобные случаи, например, в России существует скала *Пронеси Господи*, в Казахстане *Текелитау* 'гора, где водятся козлы'. Сюда также относится название мыса *Берегись*, деревни *Кинь Грусть* и др.

2.0. Категория собственности (индивидуальности) подразумевает наличие индивидуальных, единичных, уникальных предметов, выделенных из ряда однородных и безотносительно к их признакам. Если исходить из критерия уникальности, то очень мало имен собственных удовлетворяет данному критерию. Например, собственное

имя *Петр* или фамилия *Петров* не обозначают уникамы (неповторимые, единственные в своем роде предметы), так как существуют сотни тысяч лиц с такими именем и фамилией. Ср. также: *Москва* (город, река, гостиница, ресторан, сигарета и т.д.). В составных именах индивидуальность, уникальность усиливается, ср.: *Александр – Александр Сергеевич* → *Александр Сергеевич Пушкин*. При индивидуализации семантики глагола возникает глагольное имя (вербальное имя, императивное имя) – собственное имя, образованное от глагольной формы. Оно функционирует в форме онимов (топоним, антропоним, зооним, фитоним и т.п.). Глагол входит в состав имени собственного в трех видах: а) как член имени-предложения (сказуемое)², б) как элемент сложного имени собственного (композиата), в) как единственная единица, которая образует имя.

2.1. Считается, что собственными именами бывают только имена и что собственные глаголы быть не может [1. С. 115]. Исходя из этой позиции, о собственных глаголах (*verba propria*) можно говорить лишь условно, имея в виду глаголы, которые используются для образования имен собственных. На этом же принципе можно выделять нарицательные глаголы (*verba appellativa*) – глаголы, которыми мотивируются нарицательные существительные.

2.2. На ономастическом уровне основная разница между глаголом и существительным состоит в том, что глагол не может именовать, не характеризуя, в то время как существительное – может. Чтобы глагол считался настоящим собственным глаголом, он должен выполнять номинативную функцию (иметь предметное значение), называть единичные (индивидуальные) предметы и оставаться глаголом. Такой жесткий и очень узкий подход, вероятно, не может выполнить ни один глагол. Глаголы называют не предметы, а их признаки, поэтому можно говорить лишь об индивидуальных и уникальных признаках – действиях, состояниях, процессах и отношениях, т.е. о дирестатах, которые передаются соответствующими глаголами. Возьмем глагол *желтеть*. Он, с одной стороны, обозначает уникальный процесс превращения одного цвета в другой или усиление первого, а, с другой, *желтеть* может и *лист*, и *человек*, и *бумага*... Значит, процесс является уникальным, а предмет, который подвергается процессу, не уникальным. Такая же ситуация и с глаголом *белеть*, корень которого вступает в частеречные корреляции типа *белизна – белый – беловатый – бело – Белый (Андрей)*.

2.3. Хороший пример гетерогенной номинации и межчастеречной дисперсии дает Библия, где только лишь в "Бытии" мы нашли 57 различных наименований Бога (*Бог, Господь, Владыка, Ангел* и др.). В одном месте используется и причастие (субстантивированное):

Поэтому и донные сыны Израилевы не едят жиры, которая на составе бедра, потому что *Боровишийся* коснулся жиры на составе бедра Иакова [Быт.: 32/32]. Слово *Боровишийся*, выступающее для мистификации, нельзя превратить в существительное типа *борец – боец – боевик*³.

2.4. Существуют две основные группы глаголов: 1) глаголы, на базе которых образуются имена и фамилии людей (*anthropoverba*); 2) глаголы, служащие для номинации животных (*zooverba*).

2.5. Что касается антропонимических глаголов (*anthropoverba*), то их довольно много: мы провели анализ шести русских словарей и источников ономастической лексики и обнаружили 173 глагольных антропонимических композита. Императивы типа *Держиморда* представлены в 34 случаях (19,65%). Ни один из глаголов не обладает большой частотностью – самые употребительные глаголы входят в состав двух имен: *бороться* (*Боримир, Борислав*), *владеет* (*Владимир, Владислав*) и *гореть* (*Горислав*,

² Существуют и другие названия: имя-фраза, фразовое имя, имя-речение и т.п.

³ Подобная ситуация и с неопределенным местоимением: И остался Иаков один. И боролся *Некто* с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним [Быт.: 32/24–25].

Тошович Бранко – д-р филол. наук, профессор Института славистики Университета в Граце.

¹ Дирестат – сокращ. от: ДРС (аналитика, статика – значения глагола) – см. книгу: Б. Тошович. Глагольный категориал. Ополе; Грац, 1998.

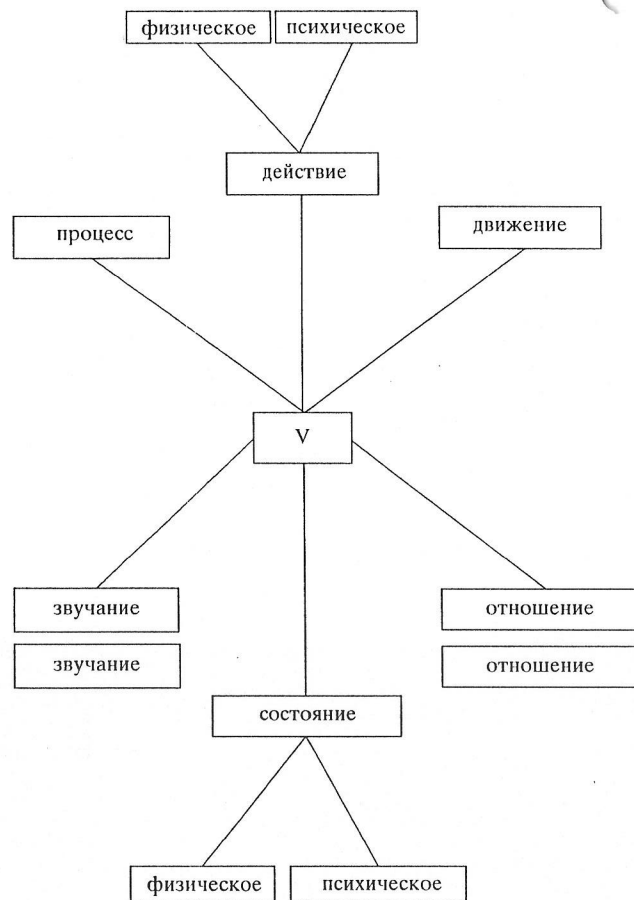

Схема 1

Горихвостов). Одним примером представлены остальные глаголы (покинуть, будить, выворачивать, греметь, драть, загубить, крутить, мстить, радеть, родить, расти, творить, терпеть, убить, утверждать: Покиньчереда, Будимир, Вернидуб, Гремислав, Дерикорчма, Загубисундук, Крутиголова, Родислав, Ростислав, Творимир, Терпигорев, Убийволк, Твердислав). В образовании антропонимов принимают участие следующие лексико-семантические группы: 1) глаголы физического действия *поднять* (Подыминогин), *крутить* (Крутиголова), *родить* (Родислав), *драть* (Дерикорчма), *убить* (Убийволк); 2) глаголы психического действия – *мстить* (Мстислав); 3) глаголы движения – *гнать/гонять* (Волкогонов); 4) процессуальные глаголы – *варить* (Вариборц); 5) глаголы отношения – *владеть* (Владимир), *быти*; 6) глаголы состояния – *терпеть* (Терпигорев), *гореть* (Горихвостов), *расти* (Ростислав); 7) глаголы звучания – *греметь* (Гремислав). Эти значения представлены в схеме 1. С такими глаголами сочетаются лишь определенные существительные. В схеме 2 приводятся те существительные, которые нами зафиксированы в русском, сербохорватском и украинском языках. С вышеуказан-

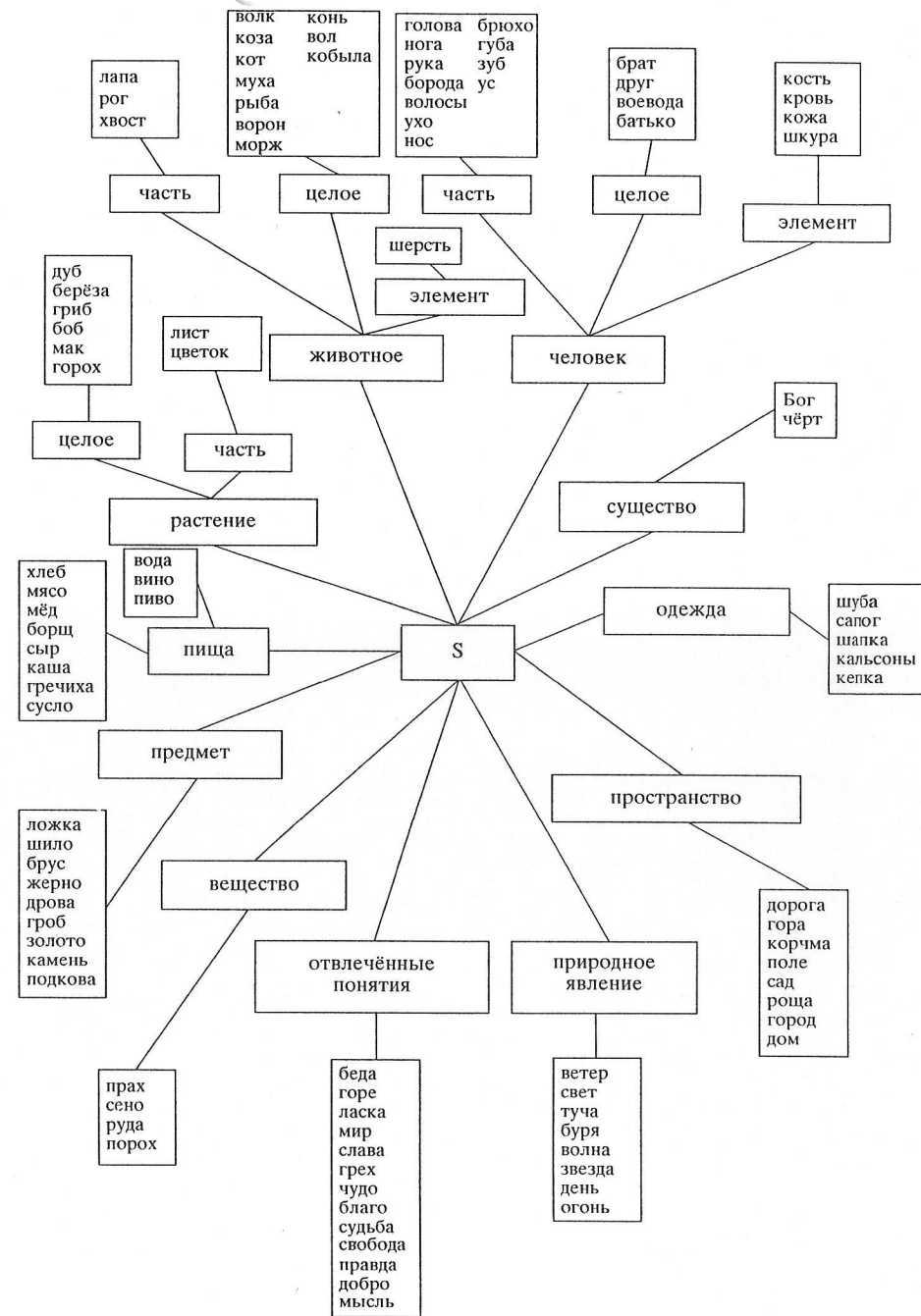

Схема 2

ными глаголами в русском языке более всего используется окаменевший корень *-слав-* (*Борислав, Братислав, Владислав, Горислав, Гремислав, Мстислав, Радислав, Ростислав, Родислав, Твердислав*). Второе место занимает *-мир* (*Боримир, Будимир, Владимир, Радимир, Творимир*), третье – *-вод-а* (*Варивода, Пальвода*). В двух примерах используются названия животных (*Лупирыба, Убийволк*) и растений (*Вернидуб, Лупибереза*). Единичными примерами представлены корни, называющие 1) части человеческого тела (*Крутиголова, Лупинос, Подыминогин*); 2) части тела животных (*Горихвостов*); 3) предметы (*Варибурс, Загубисундук*); 4) вещества (*Пальвода*); 5) пищу (*Гонимёдов*); 6) сооружения (*Дерикорчма*); 7) локусы (*Закри-видорог*); 8) отвлеченные понятия (*Нагнибеда, Покинйчереда, Терпигорев*). В украинском языке частотность корней имеет следующую последовательность: *-ветер, -борщ, -вода, -бород-а, -гор-а, -нос, -пол-е, -ус*. В сербохорватском языке корень *-slav-* занимает первую позицию, *-mir* вторую, а *-vod-a* третью.

2.6. Существует ряд собственных имен животных, созданных на базе глаголов. Так, в романе Л.Н. Толстого "Война и мир" (Т. 2, ч. 4) встречаются императивные имена собак *Ругай* и *Карай*. В именительном падеже имя *Ругай* используется 2 раза, а *Карай* 12 раз.

– *Ругай*, на пазанку! – говорил он, кидая отрезанную лапку с налипшей землей; – заслужил – чистое дело марш!; *Карай* был старый и уродливый, бурдастый кобель, известный тем, что он в одиночку брал матерого волка [2. С. 610, 619].

Они склоняются как обычные существительные на *-й*:

– Да, подъехать надо... да – что ж, вместе? – отвечал Николай, вглядываясь в Ерзу и в красного *Ругая* дядюшки, в двух своих соперников, с которыми еще ни разу ему не удалось поровнять своих собак [2. С. 617]; Ростов с дядюшкой, запивая ужин вишневым наливкой, разговаривали о прошедшей и о будущей охоте, о *Ругае* и Илагинских собаках [2. С. 621]; Но по быстроте скока волка и медленности скока собаки было видно, что расчет *Карая* был ошибочен [2. С. 612]; Но тут – Николай видел только, что что-то сделалось с *Караем* – он мгновенно очутился на волке и с ним вместе повалился кубарем в водомоину, которая была перед ними [2. С. 612].

В тексте Л.Н. Толстого встречаются и ласкательные императивные имена *Ругаюшка* и *Караяшка*:

– Ругай! На, на, – крикнул он. – *Ругаюшка!* – прибавил он, невольно этим уменьшительным выражая свою нежность и надежду, возлагаемую на этого красного кобеля [2. С. 618]; – Ругай! *Ругаюшка!* Чистое дело марш! – закричал в это время еще новый голос [2. С. 619]; – *Караяшка!* Отец!.. – плакал Николай [2. С. 612].

В произведениях Л.Н. Толстого мы нашли только одно глагольное имя неимперативного характера. Это *Любим*:

Красный *Любим* выскочил из-за Милки, стремительно бросился на волка и схватил его за гачи (ляжки задних ног), но в ту ж секунду испуганно перескочил на другую сторону [2. С. 611].

А.П. Чехов также использует глагольные имена собак, например, в пьесе "Предложение" такими являются *Запрягай, Откатай, Угадай*:

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Папа дал за своего *Откатая* 85 рублей, а ведь *Откатай* куда лучше вашего *Угадай*!

Л о м о в. *Откатай* лучше *Угадай*? Что вы! (Смеется). *Откатай* лучше *Угадай*!...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Во-первых, наш *Откатай* породистый, густопсовый, он сын *Запрягая* и *Стамески*, а у вашего муругопекого не доберешься до породы... Потом стар и уродлив, как кляча... [3. С. 321].

Существуют и другие имена животных с глагольным элементом, скажем *коров* (*Жданка*), *львов* в зоопарке (*Кинули*) и др.

3.0. Среди глаголов, которые используются для образования имен предметов, можно выделить несколько групп.

3.1. Глаголы, которые используются в названиях медикаментов, лекарственных трав и врачебных экстрактов, мы называем *medicumverba*. Сюда, в частности, относятся глаголы *грустить* (оформленное как отглагольное существительное, по аналогии с медицинской номенклатурой) (*Негрустин* – природное средство для лечения умеренной депрессии); *встать* (*Встань-ка*⁴ – растворимый экстракт лекарственных растений, снимающий похмельный синдром, поднимающий общий тонус, работоспособность и улучшающий пищеварение; *похудей* (*Похудей* – растительный чай, *Похудей-ка* – биологическая активная добавка, снижающая вес), *очищать* (*Очищающий* – биологическая активная добавка, очищающая организм), *забыть* (*Незабудька* – общеукрепляющий антисклеротический чай⁵. Ту же тенденцию наблюдаем и в шутливых, анекдотических названиях типа *спиодин* – 'лекарство от СПИДа'. С медициной связано разговорное и шутливое название человека, который лечит животных: *Доктор Айболит* (глагол *болеть*), по имени героя сказки К.И. Чуковского. В повседневной речи оно часто обыгрывается: "Новоселье *айболитов*. Челябинск" [4].

3.2. В хремотонимах (названиях предметов материальной культуры, предметов утвари), прагматонимах (названиях сортов, марок, товарных знаков) и порейонимах (собственных именах вида транспорта) глаголы представлены единичными примерами. В названиях одежды эта часть речи также редко используется. Здесь можно привести экстраверб⁶ *процай* в сложном наименовании *процай молодость* 'старомодная обувь, удобная для немолодых людей' (шутл.):

Думается, начатый разговор не будет расценен как призыв обуть мужчин в туфли *процай молодость*, им тоже нужна красивая обувь; Отправляясь на работу, Маша надевала войлочные ботинки *процай молодость* на кожаной подметке [4].

Мало глаголов и в названиях продуктов питания, например, глагол *отнять* (конфеты *Ну-ка, отними*); в названиях ресторанов – глагол *рыдать* (*Не рыдай*); периодических изданий – глагол *отдохнуть* (*Отдохни!* – "журнал для всей семьи") и т.п. Зато достаточно распространены названия, в которых встречаются отглагольные существительные: названия тортов: *Ожидание, По-щучьему велению, Венская улыбка* – сдобное печенье с кокосом. Одна группа наименований имплицитно глагол: крекер *К пиву, сухари К чаю*.

3.3. Глаголы, которые используются в названиях растений, образуют группу фитовербов. Это, например, глаголы *перекатить* (*перекати-поле*), *сорвать* (*сорви-голова, сорви-голова*), *забыть* (*незабудка*), *держать* (*держидерево, держи*), *гореть* (*горичвет*), *расти* (*растигор*), *болеть* (*болиголов*), *чуть* (*нечуй-ветер*). И в других языках существуют такие глаголы, например, в сербохорватском *visjeti* (*visibada* 'подснежник'), *holjeti* (*glavoholja, glavobolja, glavoholnik*), *piti* (*vodopija, vodopivka*), *gledati* (*suncogled*), *kretati* (*suncokret* 'подсолнечник'), в немецком *vergessen* 'забыть' (*das Vergißmeinnicht*), *anrühren* 'трогать' (*das Rührmichnichtan* 'недотрога').

3.4. Глагол редко используется при создании анемонимов (собственных имен ветров, ураганов и т.п.). В таких названиях встречается глагол *носить* (*золотоноша* – ветер, нагоняющий воду и семгу в Печорскую губу; рыбаки его так называют, потому что он дает заработок), *есть* (*волкод* – северо-восточный и восточный холодный ветер на псковском озере; *снегод* или *снегод* – фён или чинук, который способен испарить снежный покров) [5]. В сербохорватском языке таким является глагол *drati* (*kožoder* – холодный ветер на заре; весенняя непогода, метель).

⁴ Очевидно, в его образовании роль сыграла игрушка *ванька-встанька*.

⁵ Эти слова пишутся на пакетиках и в рекламных объявлениях с прописной буквы.

⁶ Под понятием экстраверб подразумеваются глагольные формы, тяготеющие к выходу из глагольной системы или уже вышедшие из нее, но не потерявшие полностью связь с глаголом.

4.0. Существуют слова в форме целого предложения, одним из элементов которых является глагол, например, украинская фамилия *Панибудьласка*, немецкий фитоним *Vergißeinnicht*, сербохорватский фитоним *pustibabakonjukur* и т.д. Такие сложные собственные имена возникают простым соединением двух или более слов и представляют собой конденсированное предложение, синтаксический сплав. Они еще называются юксапозитивными именами. Так, в чукотском языке существует комплекс *тымьынгынтюркын*, буквально обозначающий 'я-руки-выходить-действию', т.е. 'я вынимаю руки (из карманов, рукавов)' и являющийся в то же время и словом и предложением: "Это слово, ибо для говорящего оно не разложимо, и оно же предложение, т.к. выражает идею целого предложения" [6. С. 60]. Подобный пример встречается и в колымском диалекте одульского языка: *asayoulsoromoh*: *asa* ('олень'), *youl* ('увидеть'), *soromoh* ('человек'), буквально 'олене-видение-человек', что соответствует в русском целой фразе 'человек увидел оленя'; также в удмурдском языке *луд-зазег-кошкон-сюрес*, буквально 'поле-гус-уход-дорога' или 'дикий-гус-уход-путь', т.е. 'млечный путь' [6. С. 62]. Сложные слова, как правило, являются свернутыми синтаксическими конструкциями. В славянских языках можно найти очень ограниченное число таких примеров, но в немецком их довольно много.

4.1. В других типах синтаксических имен глагол не встречается: в словосочетании (*Иван Грозный*, *Ростов-на-Дону*) и аппозитивном имени (имени-сочетании, ничем не связанных компонентов, организованных по типу приложения: *Иваново-Вознесенск*).

5.0. Как единственная единица, образующая имя, глагол встречается в /1/ частных именах типа *Говорящий*, *Грозный* (название корабля), *Поникла* (*Ponikla* – топоним), *Нетка* (топоним); /2/ в именах, характеризующих данное лицо по его типичной черте характера, поведения и т.п.; например человека, который любил часто употреблять *razumiješ* 'понимаешь' называли в сербохорватском языке *Razumiješ* (Doš ao je kod nas Razumiješ. – 'К нам зашел *Понимаешь*').

6.0. Особая форма дисперсии глагола в имени возникает в поэтических произведениях с явно выраженной установкой на языковые эксперименты. Хорошим примером является стихотворение Александра Левина "Разные *летали*" [7], в заглавии которого форма прошедшего времени *летали* выступает в функции существительного *птицы*. Поэт наблюдал за речью детей и заметил, что глаголы в высказываниях типа "Вон *чирикают*" одновременно выражают и предметность и глагольность. Следуя такой логике, он и использует глагол то в глагольной, то в субстантивной функции:

За окном моим *летали*
две веселые *свистели*.
Удалые *щебетали*
куст сирени *торможили*.
А по крыше магазина
важно каркали *гуляли*
и большущие *вопили*
волочили взад-вперед.

Две *чирикали* лихие
грызли корочки сухие,
отнимая их у толстых
косопалых *воркутов*.
А к окошечку *подсели*
две *кричали-и-галдели*
и *стучали* в батарею,
не снимая башмаков⁷.

Формы прошедшего времени *кричали* и *галдели* представляют имена двух мальчиков. Слова, которые формально являются глаголами, а фактически существительными, вызывают познавательский конфликт. Он усиливается тем, что дисперсия охватывает форму прошедшего времени (а не, скажем, инфинитива). Такие глаголы можно считать нарицательными (verba appellativa). Они имеют только одну форму, неизменяемую (как безличные глаголы, инфинитив или деепричастие). Данным стихотворением поэт как будто хотел показать, насколько язык устойчив даже при самых смелых экспериментах (например, радикальных перевертышах), которые на могут "убить" смысл. Поэтому превращение глагола в существительное не может создать непре-

одолимые препятствия при декодировании. Вышеуказанные глаголы, благодаря контексту, осмысляются как существительные. Это своеобразный языковой парадокс, грамматический оксюморон: используется глагол, а имеется в виду существительное. Эффект настолько выражен, что тот, кто первый раз читает стихи, не может сразу определить грамматическую принадлежность слов, точнее не может понять с чем имеет дело – с глаголом или существительным. Читатель может даже в какой-то момент почувствовать, что у него от таких стихов "крыша едет". Поэтическим экспериментам А. Левин показал, что глагол можно превратить в существительное без применения субстанциональных трансформаций.

6.1. В стихотворении "Торжественное произнести" А. Левин повторяет данный прием и снова превращает формы прошедшего времени *упал* и *победил* в существительные *Упал* и *Победил*:

Когда *Упал*, ударившись оземь,
восстал опять, как древний *Победил*,
за ним возникло маленькое Тише,
шепча свое опасное *сказать*.

Когда *Упал* в сиянии косматом
повел Никто в загробное Ура,
за ним росло клубящееся Тише,
твердя свое отравленное но.

Когда *Упал* взлетел и, озаренный,
ушел один к небесному темну,
за ним стояло выросшее Тише
и лысых звезд касалось головой.

Субстантивированная форма прошедшего времени *Упал* является вторичной номинацией, использованной в целях мистификации: говорится о каком-то предмете, который упал (или пришел) с неба. Контекст подсказывает, что речь идет о метафоре Христа. В первой строфе существительным становится и инфинитив *сказать*.

6.2. В других случаях А. Левин превращает в существительные не только формы прошедшего времени, но и деепричастия. Так, по мотивам стихотворения Ф.И. Тютчева "Весенняя гроза":

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы *резвяся* и *играя*,
Грохочет в небе голубом

он написал стихотворение, в котором в функции теонимов (собственных имен божеств) выступают деепричастия *Резвяся*, *Играя*, *Смеясь*, обозначающие трех юных богинь:

Когда *Резвяся* и *Играя*
танцуют в небе голубом,
одна из них подобна снегу,
другая – рыжему огню.

Одна плывет, как в хороводе,
уклюжей грации полна,
другая бежит по небу,
локтями детскими торча,

а третья льется, как простая
громошипучая вода,
Смеясь из кубка золотого
сама себя на землю льет.

И лишь Громам все вторит, вторит,
уже не весело ему,
и он стоит волван волваном
с тяжелым яблоком в руках,

с огромно-синим яблоком в руках.

("Суд Париса")

⁷ Существительные отмечены полужирным шрифтом, а глаголы курсивом.

6.3. А. Левин преломляет и причастия в существительные, но не так, как это делается в литературном языке (в форме субстантивации, ведущей к образованию существительных типа *заклоченный, верующая, ископаемое*): он убирает глагольный корень и оставляет только грамматические элементы (суффиксы и окончания), не имеющие лексического значения. Такие глаголы можно назвать дефектными нарицательными глаголами (*defectoverba appellativa*):

Все *аемые* и *яемые*
 всем *ающим* и *яющим*:
 "Что вы щиплетесь, что вы колотесь!
 как вам не ай и яй!"
 Все *ающие* и *яющие*
 всем *аемым* и *яемым*:
 "А вы двигайтесь, двигайтесь!
 Ишь, лентяи-яи!"

Все *уцисся* и *юцисся*
 всем *ацисся* и *яцисся*:
 "Что вы акаете? Что вы якаете,
 как москвичи?"
 Все *ацисся* и *яцисся*
 всем *уцисся* и *юцисся*:
 "А вы не мычите, не брюзжите
 и останьте-яните!"

Все *ательные-ятельные*
 всем *ованным-еванным*:
 "Почто ругаетесь матерно
 в общественных местах?"
 А каждый *ованный-еванный*
 каждого *ательного-ятельного*
 к маме *евонной*
 лично и невкусмысленно!

Блаженны *инные* и *янные*, ибо их есть
 царствие небесное.
 Блаженны *авливаемые-овываемые*, ибо их есть
 не пора еще.
 Блаженны *ующиеся-ающиеся*, ибо их есть
 нихт вас нах послать унд вас нах пойтить.
 Дважды блаженны *айишие* и *ейишие* и *ейишие*, ибо их есть
 у нас, а нас есть у них!

("Все аемые и яемые...")

Это стихотворение пронизано самыми различными мотивами – из текстов Жванецкого (*А вы двигайтесь, двигайтесь* – ассоциации, связанные с "дамами"), повседневной жизни (говор москвичей: *Что вы акаете, как москвичи*), Библии (стихи, начинающиеся словом *Блаженны*) и т.п. В функции существительных выступают все типы причастий (действительных и страдательных, настоящего и прошедшего времени) и основные причастные маркеры: 1) *ацисся, яцисся, ацисся, яцисся, ающие, яющие, уцисся, юцисся, уюцисся, аюцисся*; 2) *айишие, ейишие*; 3) *аемые, яемые, авливаемые, овываемые*; 4) *ованный, еванный*, (рядом с ними используются и форманты прилагательных *ательного, ятельного, ательные, ятельные*). Эти причастные метаплазмы являются номинацией людей, при помощи которых осуществляется предельное обобщение, исчезает конкретика, а на первый план выступает универ-

сальная характеристика. Их использованием автор доказывает, что можно убрать корень слова без нейтрализации смысла: слово и дальше живет и функционирует.

6.4. То, что "перевертыши" не могут уничтожить смысл, показывает стихотворение, в котором происходит обратная дисперсия: существительное превращается в глагол, точнее в императив. Так как такие формы являются нестандартными, им полностью соответствует левинское название "наклонительное повеление", ставшее заглавием стихов:

Рыбина, голоси!
 Дерево, улетай!
 Ижина, *небеси*!
 Миклуха, *маклай*!

Сладкое – поцелуй,
 белое – отпусти,
 тихое – нарисуй,
 гладкое – перешерсти.

Спящица, проснись!
 Тьматьматьма, *таракань*!
 Яблоко, падай ввысь!
 Усадьба летом, *рязань*!

Ясного не мутн.
 Дохлого не оживляй.
 Если ты нем – свисти,
 если лама – *далай*!

Хлебников, *каравай*
 слово свое несъедобное!
 Автобус, *трамвай*
 все самое красное, съдобное!

Здесь происходит дисперсия предметов в действия (дирестаты), т.е. существительные трансформируются в глаголы: *голос* → *голоси*, *небеса* → *небеси*. Даже формы *маклай* (трансформация имени путешественника *Миклухо Маклая*), *далай* (ассоциация с *Далай Ламой*) являются императивами. Но самое радикальное преломление произошло в третьей строфе, в которой существительное *трамвай* стало глаголом (*императивом*), т.е. возник глагол *трамвайить*. Радикализм проявился и в том, что слово *каравай* не является существительным, а глаголом в императивном значении 'сделай съедобным' (хлебниковский мотив). Такая обратная дисперсия (преломление глагола в имени) встречается и в других стихах А. Левина. Например, заглавие стихотворения "*Ластига* и *мурлычет*" формально представляет собой сочетание существительного *ластига* и глагола *мурлычет*. Но союз *и* ясно показывает, что данное название фактически состоит из двух существительных:

У ластиги белая сница
 и розоватая мница.
 Она вьется, как лента и лестница,
 верещит, как сница.
 Мурлычет – гордый, как кочет,
 с перьями, как у кречета.
 Что хочет, то и ворочает,
 никто ему не перечит.

на мурлычета на могучего,
 телом сухого, а сердцем горячего,
 чистого, ясного, но набыченного,
 накаченного и навороченного.

Ластига – словно лисца,
 стелется, но не боится,
 плещется, но не водица,
 глядит – не наглядится

Он ее приголубит,
 такую какую-то мнимую.
 Она его не продинамит,
 такого какого-то конкретного.
 Он ее: "Моя герлица!",
 она его: "Мой кудахчик!".
 И никогда не ссорятся.
 Так, иногда ругаются...

Кроме *ластига* и другие глаголы преломляются в имена: *сница* (← *снится*), *мница* (← *мнится*).

6.5. Субстантовербальная дисперсия в оба направления (глагол → существительное, существительное → глагол) встречается в стихах А. Левина довольно часто. В них нелегко определить, что является глаголом, а что существительным, даже наречием:

Когда душа *стрела* и *пела*,
а в ней *уныло* и *стонало*,
и *ухало*, и *бормотало*,
и *барахло*, и *одеяло*...
О чем мы думали тогда?
О чем качали головами?
Что лучше – *ахать* или *похоть*?
Что лучше – *лопать* или *выпить*?
Что лучше – *тень* или *отстань*?
Что лучше – *осень* или *плесень*?
Ну, перестань...

Такси меня куда-нибудь,
туда где весело и жуть,
туда, где *светится* и *птица*,
где жить легко и далеко,
где, *простыня* и *продолжаясь*,
лежит поляна, а на ней
Полина или же Елена,
а может Лиза и зараза,
а может *Оля* и *ледея*,
а я такой всего боец...

7.0. Таким образом, дисперсия глагола в имени проявляется в самых разнообразных формах. Она иногда порождает языковые формы, которые занимают межкатегориальную позицию, нарушая и, в некоторых случаях, снимая межкатегориальные границы. В настоящем тексте был затронут вопрос выделения собственных и нарицательных глаголов. Положительный или отрицательный ответ на него можно получить лишь после более широкого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. М., 1981.
2. Толстой Л.Н. Война и мир. В 2-х т. М., 2000. Т. 1.
3. Чехов А.П. Чайка. Пьесы 1880–1904. М.; Харьков, 1999.
4. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Котеловой Н.З. СПб., 1995.
5. Прох Л.З. Словарь ветров. Л., 1983.
6. Алатырев В.И. Парные сложные глаголы // Уч. зап. Карело-финского ун-та. Петрозаводск, 1946.
7. Левин А. Биомеханика. Стихотворения 1983–1995 годов. М., 1995.

© 2002 г. В.И. КОСИК

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ. ШИФР "АМУР". 1919 год

Идея славянского объединения давно занимала умы политиков, дипломатов, философов, государственных и общественных деятелей славянских стран и народов. Всем, кто мало-мальски знаком с историей России и славянства вообще, известны теории югославизма, австрославизма, конфедерации славянских народов под эгидой Российской империи и др. Однако все они так и не получили своего воплощения: почва, на которой строились эти планы, была сущим болотом, из которого каждая часть славянства предпочитала выбираться в одиночку.

Были, правда, примеры такого частичного объединения, как создание в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии), но и оно не выдержало испытания. Сама идея славизма вытесняется ныне философией общеевропейского дома, глобализацией и универсумом общественной жизни.

Но это будет потом, а тогда, в начале прошлого века, слова "Россия", "славянство", "братство" не сходили с газетных полос. И несмотря на всю их затертость представителями самых различных российских политических и общественных партий, объединений, организаций они не теряли своей совестливости, свежести, исторического очарования, требовали действия. Так начиналась Первая мировая война.

Гибель старых империй и "отречение от старого мира" для одних означали жизнь под "новыми небесами", для других – приговор истории, с которым они не желали смириться. На просторах России шла Гражданская война, и каждая из сторон искала и находила себе "союзников": большевики – в интернационализме, "белое дело" – в прошлом, в идее славизма. Именно славянство, освобождение значительной части которого неразрывно связано с Россией, должно было теперь послужить ее возрождению. Но для братских стран, привыкших быть только спутниками, "сателлитами", "синица в руках" была предпочтительнее, чем "журавль в небе"; иначе говоря, интересы безопасности собственного государства ставились выше идеи восстановления мощи России. Конечно, они были готовы оказать соразмерную помощь, прежде всего через прием на свои территории беженцев, даже дать карт-бланш на какую-либо мелкую акцию, направленную против большевистской России, но для крупной у них не было ни сил, ни возможностей, ни желания.

Только при "моральной и материальной" помощи своих великих союзников, прежде всего Франции, некоторые "славянские племена" были не прочь включиться в за-проектированный Борисом Савинковым "славянский поход" армий А.И. Деникина, А.В. Колчака, воинских частей из русских военнопленных в Центральной Европе, чехословаков, югославов... При том, что участие последних носило бы чисто симво-